

КРИСТЕН ПЕРРИН

Опасная игра бабули

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
П27

Kristen Perrin
HOW TO SOLVE YOUR OWN MURDER

Copyright © 2024 by Kristen Perrin

Перрин, Кристен.

П27 Опасная игра бабули : руководство по раскрытию собственного убийства / Кристен Перрин ; [перевод с английского Н. Рокачевской]. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с. — (Ток. Убийства и кексики. Душевные истории про убийства).

ISBN 978-5-04-210292-9

Старая добрая Англия, 1965 год. Ярмарочная гадалка предсказывает шестнадцатилетней Фрэнсис Адамс ужасающее будущее: однажды девушку убьют... С тех пор всю свою жизнь та посвящает расследованию убийства, которое еще не произошло. Никто не принимал опасения Фрэнсис всерьез, пока, шестьдесят лет спустя, ее труп не находят в библиотеке.

Наши дни. Энни Адамс приглашают в Грейвсдаун-холл — обширное загородное поместье ее эксцентричной двоюродной бабушки Фрэнсис. Но когда девушка прибывает в причудливую деревушку Касл-Нолл, старушка уже мертва. И по условиям завещания все ее огромное состояние, а также поместье получит тот, кто раскроет это убийство.

**УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44**

© Рокачевская Н., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-210292-9 ООО «Издательство «Эксмо», 2025

**Сельская ярмарка в Касл-Нолле,
1965 год**

— Я вижу в твоём будущем скелет, — мрачно изрекает мадам Пеони Лейн первую фразу предсказания, которое определит всю оставшуюся жизнь Фрэнсис Адамс.

В отличие от двух хихикающих над этим дурным спектаклем подружек, притихшая Фрэнсис не сводит глаз с сидящей перед ней женщины. Все здесь буквально кричит о голливудщине самого низкого пошиба, от украшающих шатер аляповатых занавесок из бусин до шелкового тюрбана Пеони Лейн. Самой Пеони Лейн не больше двадцати, хотя она добавляет к голосу хрипотцы в попытке выглядеть существом без возраста. Но получается не очень. Вообще-то получается настолько неуклюже, что почти никто не принимает ее всерьез. За исключением Фрэнсис.

Она впитывает каждое слово с религиозным рвением. И с каждым новым предсказанием ее лицо еще сильнее напрягается. Фрэнсис как горячая вода, почти доведенная до кипения — от нее вовсю поднимается пар, но все-таки она пока не булькает.

Когда девушки выходят из темного шатра гадалки, Фрэнсис даже не моргает на ярком августов-

ском солнце. Ее длинные распущенные волосы отливают красноватым золотом. Продавец яблок в карамели бросает на нее долгий взгляд, но она его не замечает. Она вообще ничего не замечает, после того как услышала мрачное предсказание.

Эмили берет Фрэнсис за левую руку, а Роуз за правую, и три девушки идут как венок из ромашек, пробираясь между лотками с антиквариатом и безделушками.

Они отворачиваются от мясника, продающего сосиски, но останавливаются, чтобы поглазеть на серебряные ожерелья, нагретые солнечными лучами. Эмили покупает изящную цепочку с подвеской в виде птички, хотя это всего лишь уловка, чтобы переключить внимание Фрэнсис. По словам Эмили, это хороший амулет.

Наконец Роуз все-таки говорит напрямик:

— Фрэнсис, выглядишь так, словно уже умерла. — Роуз пихает подругу локтем в попытке вернуть ее к жизни, но лицо той становится еще мрачнее. — Ты же понимаешь, что все это чушь? Никто не может предсказать будущее.

Эмили связывает длинные белокурые волосы лентой и застегивает на шее цепочку с птичкой. Подвеска вспыхивает крохотным эхом сияющих на солнце ножей на прилавке с охотничьими принадлежностями за спинами девушек. Фрэнсис в ужасе смотрит на цепочку.

— В чем дело? — спрашивает Эмили беспечным голосом, но с серьезным видом.

— Птица, — шепчет Фрэнсис и щурится. — Гадалка сказала: «Тебя предаст птица».

— Тогда у меня есть отличное решение, — заявляет Эмили. Она ныряет в толпу и возвращается через несколько минут. В ее ладони сверкают две серебряные цепочки с птичками. — Для тебя и Роуз, — хитро улыбается она. — Так ты никогда не узнаешь, какая птица тебя предаст.

Она, как свойственно ее натуре, простодушно и искренне смеется.

Фрэнсис в отчаянии смотрит на Роуз, надеясь на понимание, но та тоже смеется.

— Я правда считаю, что это отличная мысль. Возьми судьбу в свои руки!

В качестве демонстрации Роуз надевает цепочку.

Фрэнсис колеблется, но все-таки кладет цепочку в карман юбки.

— Я подумаю.

— Да ладно тебе, Фрэнсис, — фыркает Эмили. — Если будешь такой кислой, мне точно придется тебя убить.

В уголках ее глаз появляются морщинки, словно она вот-вот снова засмеется, и Эмили вновь сплетает руки с руками подруг.

— Может, вы обе уже перестанете делать вид, будто это было совершенно не страшно?

Фрэнсис выдергивает руки и резко останавливается. Она вытирает потные ладони о простую хлопковую юбку и скрещивает руки на груди. Из кармана юбки торчит треугольник миниатюрного блокнота,

а на ее пальцах виднеются чернильные пятна — она лихорадочно записывала каждое слово гадалки.

Роуз в два больших шага сокращает расстояние между ними и обнимает Фрэнсис за плечи, ее короткие черные волосы касаются щеки подруги.

— По-моему, та девица над тобой подшутила.

— Но убийство, Роуз! Я не могу просто выкинуть это из головы!

Эмили закатывает глаза.

— Да брось, Фрэнсис! Хватит. Пошли.

Она откусывает каждое слово, как хрустящий кусочек яблока. При взгляде на Роуз, похожую на Белоснежку, и сияющую золотом Эмили Фрэнсис вдруг кажется, что все они — сказочные персонажи. А в сказках, когда ведьма предсказывает судьбу, лучше к ней прислушаться.

Эмили и Роуз снова берут Фрэнсис под руки и идут по ярмарке дальше, но теперь медленно, как будто сквозь вату. Солнце еще палит, из бочонков в передвижных киосках по-прежнему льется рекой эль. Воздух кажется липким от горелых леденцов и слабого запаха дыма, но Фрэнсис ступает тяжело и целеустремленно. Она снова и снова шепчет себе под нос слова гадалки, пока они не впечатываются в память.

«Я вижу в твоём будущем скелет. Когда зажмешь в правой ладони королеву, начнется твое медленное увядание. Остерегайся одинокой птицы, ибо она тебя предаст. И с этого момента едва ли повернешь назад. Но дочери — ключ к правосудию, найди

одну нужную и не отпускай от себя. Все указывает на то, что тебя убьют».

Предсказание было настолько нелепым, что следовало бы расхохотаться. Но эти слова посеяли сомнения в голове Фрэнсис и уже пустили маленькие отравленные корни.

Подруги постарались весело провести вечер, и вскоре смех звучал не так натужно. Снова посыпались шутки и сплетни — все мелочи, так украшающие их дружбу. В шестнадцать лет взлеты и падения так же естественны, как дыхание, а эта троица дышала глубже большинства.

Но цифра три оказалась для них несчастливой. Всего через год трех подруг не станет. Одна из них исчезнет, и отнюдь не Фрэнсис Адамс.

Дело так и останется нераскрытым, а в папке с коротким отчетом о пропавшей будет лежать лишь одна улика: маленький полиэтиленовый пакетик с серебряной цепочкой и крохотной птичкой на ней.

ГЛАВА 1

В такие душные летние вечера воздух кажется настолько густым, что в нем можно плыть. Когда я вынырываю с прогулки по Пикадилли-лейн, даже затхлая атмосфера станции «Эрлс-Корт» ощущается глотком свежего воздуха. Преодолевая три лестничных пролета по пути наверх, я копаюсь в рюкзаке в поисках бутылки с водой. Однако нахожу только термос с остывшим утренним кофе.

Пока я глотаю остатки кофе, мимо, как городские газели, несутся поджарые мужчины. Как бы ни было противно глотать кофейную гущу, мне нужен кофеин. Гудит телефон, и я вытаскиваю его из кармана, подавляя желание посмотреть почту, и отвечаю на звонок.

— Дженни. — В мой голос наконец просачивается истощение. — Умоляю, скажи, что ты уже в пути. Я не могу снова оказаться в мамином подвале без поддержки. Убираясь там на прошлой неделе, я наткнулась на пауков. Огромных.

— Я уже тут, — отвечает она. — Стою на крыльце, дожидаясь тебя, ужасно не хочется, чтобы твоя мама таскала меня по дому и рассказывала, какие стены собирается снести.

— Отлично. И кстати, вряд ли ей разрешат сносить в доме стены, он ведь ей не принадлежит.

— Веская причина. А у нее, видимо, сейчас очередной приступ дизайнерской лихорадки, ведь не за горами ее персональная выставка в «Тейт».

Я морщусь. Мама — художница, довольно известная и успешная. Точнее, была, пока интерес к ее работам не поугас. К сожалению, заминка в карьере совпала с потерей денег, заработанных ранее, поэтому большую часть моего детства мы балансировали на тонком канате между жизнью бездомных скитальцев и непримотливых представителей богемы.

— Ну мамина дизайнерская лихорадка помогает мне без конца не проверять пустую папку с входящими, так что я поддерживаю любые ее начинания. Мой рюкзак забит образцами краски и едва сдерживаемым разочарованием. Я готова взяться за подвал. Но только кроме пауков — это твоя задача.

— Ого! Собственная армия пауков! — мурлыкает Дженни. — Всю жизнь мечтала. — Она на секунду умолкает, словно тщательно обдумывая следующую фразу. — А почему тебя беспокоит отсутствие писем? Ты снова отправила роман в издательство?

Дженни — моя лучшая подруга с девяти лет. В прошлом месяце меня сократили с низкооплачиваемой офисной работы, и Дженни выступила идеальной смесью «плеча», чтобы выплакаться, и личного мотивационного коуча. Она заявила, что это отличная возможность исполнить мою мечту — писать детективы, ведь не у каждого начинающе-

го писателя есть мама с домом из восьми комнат в центре Лондона, где можно жить бесплатно, выполняя разные странные поручения.

Нетипичные условия для девушки двадцати пяти лет — вернуться домой и терпеть переменчивое мамино настроение. Именно этого я и пыталась избежать, когда от нее съезжала, так что мое теперешнее положение выглядело как шаг назад. Зато в моем распоряжении оказался целый этаж дома в Челси¹, так романтично приходящего в упадок. В моей детской висит пыльная хрустальная люстра с отсутствующими подвесками, отбрасывающая призрачный свет на старинную пишущую машинку, обнаруженную в шкафу. Я ею не пользуюсь, только время от времени клацаю по клавишам для создания атмосферы. У нее пластмассовый клетчатый футляр в духе шестидесятых, а я их обожаю.

— Я начала рассылать последнюю рукопись литературным агентствам, — признаюсь я и прикусываю губу, когда Дженни не отвечает. — Первое письмо я отправила всего неделю назад. — Вытираю пот с затылка и выхожу на Эрлс-Корт-роуд, лавируя между людьми. Рюкзак весит тонну, но в книжном была распродажа, и я не устояла. К тому же у меня есть оправдание для покупки семи романов Агаты Кристи в переплете — это учебное пособие. — Но мне уже кажется, что книга ужасна.

¹ Челси — исторический район Лондона, бывший ранее его пригородом.

— Вовсе не ужасна.

— Нет, правда. Я просто этого не понимала, пока не отправила.

— Но ты была так в ней уверена! — восклицает Дженни.

Я слышу в ее голосе особые переливы — она готовится перейти в режим группы поддержки.

Однако я успеваю ее прервать:

— Да, но теперь я поумнела. Знаешь, как бывает, когда к тебе случайно подходит чей-то малыш и его мама вся сияет, думая, что тебя он умиляет так же, как и ее. А у ребенка текут сопли, и к одежде прилипли крошки.

— Э-э-э, ну да.

— Так вот, я вроде той мамашки, разослала всему миру роман с сопливым носом, решив, что все будут воспринимать его так же, как я.

— Так вытри ему сопли и покажи во всей красе.

— Ага, кажется, именно для этого и существует редактирование.

Я слышу, как Дженни вздыхает.

— Энни, ты хочешь сказать, что разослала книгу литературным агентствам, даже не отредактировав ее?

Дженни долго и заразительно смеется. Я ничего не могу с собой поделать и широко улыбаюсь, сворачивая на Тригантер-роуд.

— Я была словно на крыльях! — сиплю сквозь смех. — Я наконец-то это сделала, понимаешь? Написала столько слов и дошла до конца.

— Ага. И я тобой горжусь, но ты должна была как минимум дать мне почитать роман, прежде чем посылать его агентствам.

— Что?! Нет!

— Если ты даже мне не даешь читать, то зачем отправляешь его незнакомым людям?

— Ладно, отключаюсь, я почти у дома.

Я ковыляю к концу улицы, где меня дожидается Дженни, сидя на ступеньках крыльца.

Мамин дом притулился в самом конце вереницы роскошных домов, как неуместный гость на вечеринке. Я машу Дженни; она стряхивает пыль с шикарной юбки и проводит рукой по длинным черным волосам. У нее безупречный вкус, и я разглаживаю свое пышное летнее платье, жалея, что купила эту громадину. По какой-то причине меня как магнитом тянет к платьям, в которых я выгляжу как призрак Викторианской эпохи. А бледная кожа и белокурые локоны только подчеркивают эффект, так что, наверное, бороться с этим бесполезно.

Как и моя мама, мы с Дженни учились в колледже искусства и дизайна имени Святого Мартина. Ее родители переехали в Лондон из Гонконга, когда она была еще совсем маленькой. Они замечательные люди. Я никогда не признавалась в этом маме, но временами я тосковала по стабильной семье с отцом, братьями и сестрами, поэтому после школы шла не домой, а к Дженни. Даже когда та уходила на занятия теннисом или еще куда-то. Ее родители

позволяли мне делать у них уроки, и я болтала со всей семьей и вдыхала ароматы настоящей домашней еды.

Окончив колледж, Дженни так твердо встала на ноги, как будто уже получила работу мечты. Она отвергла предложение заняться дизайном Королевского Альберт-холла и вместо этого присоединилась к команде, украшающей витрины в «Харродс». Она посвятила этому всю себя, создавая шедевры, в особенности на Рождество.

— Ну что ж, — вздыхает она, беря меня под руку, — посмотрим, что приготовил для нас подвал твоей мамы.

Мы на мгновение останавливаемся, чтобы посмотреть на дом. По бокам от монументальных каменных ступеней, ведущих к парадной двери, находятся два мрачных эркерных окна. Когда-то давно дверь, видимо, была зеленой, но краска с годами облупилась, а дерево немного покособилось. Но я все равно люблю эту дверь. Над мостовой возвышаются четыре этажа выбеленного былого величия, а окна до сих пор закрыты старыми бархатными шторами.

— Спасибо, что согласилась помочь, — говорю я.

Не понимаю толком, за что благодарю, ведь я выросла в этом доме. И хотя в нем всегда жили только мы с мамой, я была здесь счастлива. Думаю, я просто благодарна за то, что Дженни появляется, стоит только позвонить, даже если это предложение вместе разгрести старый подвал.